

Путь художника - большевика

Памяти Всеволода Вишневского

Весь, до конца, он был военным человеком, «военной костью», как полшутя, любовно говорят о таких людях в русском народе. Он пришел в нашу большую литературу, в советскую драматургию в 1929 году со своей пьесой «Первая Ковная» — произведением страстным, талантливым, полным огненной романтики, но в то же время во всем верным жизненной правде.

Матрос-пулеметчик, драгшийся в рядах Первой Конной и ставший одним из самых популярных драматургов советской страны, — таково было первое представление о Вишневском у всех тех, кто впервые узнал его после появления пьесы «Первая Ковная». Но за спиной Вишневского был уже в это время не только громадный военный опыт, но и солидный опыт журналиста, литератора. Еще в 1920 — 22 годах в газете «Красное Черноморье» (ответственный редактор которой был тогда Ф. Гладков), в «Красном Балтийском флоте», в журнале «Молодая гвардия» печатались статьи и очерки Вишневского на военные темы.

Рождение драматурга было несчастливым. Оно имело под собой серьезную базу литературной, публицистической, военно-научной работы. Во всеоружии этого опыта Вишневский пришел к своей большой и славной писательской судьбе.

Автору этих строк пришлось близко столкнуться с Вишневским в начале тридцатых годов и много лет вместе проработать в журнале «Знамя» — центре, где складывалось основное ядро военных писателей. Вишневский был душой этого большого писательского движения. Ни на минуту не оставляя свою собственную творческую работу, горячо, вдохновенно трудясь над новыми своими пьесами — «Последний решительный», «Оптимистическая трагедия», над великолепным, обошедшим экраны всего мира фильмом «Мы из Кронштадта», над статьями на военные и литературные темы, над киноманом «Мы, русский народ», над серией исследований (об Эйзенштейне, о Пашанине, о Щорсе), Вишневский последовательно и неустанно осуществлял свою линию в литературе и искусстве, которая была верной, передовой линией. Советский патриотизм, безграничная любовь и преданность Родине, героика боев гражданской войны, военные образы и темы славной истории русского народа, — вот что волновало Вишневского в первую очередь, вот чему он отдавал весь жар своего большого сердца, свое писательское умение и мастерство.

Вокруг «Знамени» и в Союзе советских писателей Всеволод Вишневский собрал группу писателей, работавших над темами гражданской войны, над темами Красной Армии, над темами военной истории. Сколько рукописей молодых и старых писателей прошло через его руки, сколько он помог в их первых литературных опытах — этого не перечислить! А. Новиков-Прибой и В. Лебедев-Кумач, А. Игнатьев и В. Гроссман, Л. Соболев и Н. Вирта, К. Симонов и П. Павленко и многие, многие другие получали от него сотни писем, деловых замечаний, советов, указаний. Он был поистине неутомим в поисках новых имен, новых талантов, умея радоваться их появлению в свет с великолепной и щедрой непосредственностью.

Сердцем и сознанием Вишневский знал: схватка Страны Советов с силами фашизма неизбежна. Он хотел, чтобы писатели приняли в будущей войне непосредственное участие — на переднем крае борьбы. Сколько сил и энергии Вишневский положил на внедрение этой своей мысли в сознание сотен больших и малых литераторов! Он создавал специальные семинары, курсы, циклы лекций, сам читал многие из этих лекций, добивался организации учебы для писателей в стенах военных и военно-политических академий. Он умел увлечь людей. За ним шли не по обязанности — по вдохновению, по велению сердца.

И если в первых днях Великой Отечественной войны сотни советских писателей были призваны из запаса и в соответствии с заранее присвоенными им воинскими званиями пошли на фронт, — от Черного моря до Баренцева моря, — то огромная заслуга в этом великом патриотическом деле принадлежит Всеволоду Вишневскому. Это не преувеличение. Это факт.

И сам он одним из первых пошел на фронт в звании полкового комиссара, опытный воин и военный журналист, большевик и писатель.

...Конец июня — начало июля 1941 года. Таллин — главная база Балтийского флота. Вишневский среди моряков. Вишневский среди летчиков. Вишневский среди матросов, спешенных с кораблей и дерущихся против вражеских десантов. И неутомимо, каждодневно он шлет в Москву свои огненные, наполненные полсенсационной верой в победу корреспонденции-поэмы, пишет листовки и обращения, сколачивает силы эстонской интеллигенции, мобилизуя ее на работу в военную печать, рассказывает всему миру о первых боях борьбы с фашизмом, о первых подвигах Великой войны, которой предстояло продлиться почти четыре года и которую весь, без единого дня перерыва, Вишневский провел в рядах Вооруженных Сил, на переднем крае борьбы.

Когда мысленно листаешь страницы немыслимой биографии Вишневского в дни Великой Отечественной войны, то видишь воочию, как умел он быть строг и требователен к самому себе, как велика была в нем ответственность за сошедшее. Вся страна читала его великолепные корреспонденции из осажденного Ленинграда, в котором Вишневский провел всю блокаду. — очерки и статьи, проникнутые безграничной верой в партию,

в Сталина. Затаив дыхание, слушал темный, замерший в ночи, озаренный заревами пожаров, сотрясаемый взрывами вражеских бомб Ленинград радиоречи Вишневского, обращенные к народу, к Балтийскому флоту. Нельзя забыть Вишневского-агитатора.

Вспоминается декабрь 1941 года, темная, освещенная маленькими коптилками огромная палата 3-го военно-морского госпиталя. Вишневский говорит речь. Да нет, не речь это, а до предела напряженный, kloчущий монолог, обращенный к собратьям по оружию. Тяжело раненные приподымаются с косяк, вшиваясь глазами в моряка-комиссара, слезы блещут на морщах, руки сжимаются в кулаки, — кажется, еще мгновение, и они встанут, они пойдут, да нет, куда им идти, — поползут в бой против врага, окружившего великий город русской славы, их родной Ленинград, вопьются врагу в горло, даже голыми руками будут биться с фашистами.

Величайшая беззаветность, безграничная личная храбрость отличали Вишневского. Я видел, как под ураганным минометным обстрелом, он, надев очки, неторопливо вносил в записи в свою походную тетрадь. В боевом походе на корабле из Таллина в Кронштадт, когда море кишело минами, а небо было черно от вражеских самолетов, он продолжал вести эти записи. Он вел их в морских штабах Кронштадта и Ленинграда, когда шатались и рушились стены зданий, когда горели Бадаевские продовольственные склады, подожженные сотнями зажигательных бомб, сброшенных летчиками по-дьявольски разработанному Гитлером плану. После войны, уже после того, как был освобожден Ленинград, после того, как Вишневский проделал весь путь до Берлина и одним из первых вошел с армией-победительницей в здание рейхстага и здание имперской канцелярии, — он, вернувшись в Москву, показал мне тетради своих военных дневников. Это было сорок пять томов, исписанных мелким, убогим почерком, — драгоценный памятник героических лет. Уже сейчас надо позаботиться о том, чтобы эти дневники были собраны, сохранены, изучены, опубликованы.

Трудно сказать, как Вишневский находил время на все, что он делал во время войны, но поистине неисчерпаема была его энергия. Сотни корреспонденций и брошюр, сотни речей по радио, сотни докладов на кораблях, в частях. Тысячи, десятки тысяч страниц дневника. Тысячи писем друзьям, товарищам, братьям по перу, драматургам, писателям, поэтам, критикам, редакторам. И одновременно с этим — работа над пьесами, — сперва над комедией «Раскинулось море широко» (совместно с А. Кроном и В. Азаровым), затем над пьесой «У стен Ленинграда». Нет времени и места дать сейчас сколько-нибудь подробный обзор этих пьес. Важно отметить одно удивительное качество пьесы «Раскинулось море широко». Она была создана в августовско-сентябрьские дни 1942 года, когда шло немецкое наступление на Сталинград, когда гитлеровцы нещадно бомбили и обстреливали Ленинград. Тяжкая, трудная пора! В этой обстановке надо было найти в себе душевные силы для создания веселой, бодрой пьесы, пропаянной шуткой, задором. Он писал мне в письме от 28 августа из Ленинграда на Лядогу:

«С подъемом пишу пьесу к Октябрю. Героическую комедию. Притянул к делу А. Крона и В. Азарова. Решен 1-й акт. Сегодня наметил 2-й. Будет много забавного и острого. За сентябрь все отчеканю, к 7.XI — на сцену б. Александринки. Это честь — видеть свой спектакль в родном осажденном городе».

Письма Вишневского этого периода брызжут энергией, это горит, — он рассказывает в них о десятках дел и событий, дает оценки военному положению на фронтах, размышляет, комментирует события: «Встаю к 9 утра. Пишу по две: в среднем — статьи (очерки, листовки)...

Россия — стоит! Идет сентябрь. Россия контр-атакует... Есть хорошие вести с фронтов... Тон иностранной печати и радио резко меняется (в сравнении с июлем), — важности, восклицания, уважение, прогнозы...

Да... Старику Бьюкенен (посол Англии в Тихую войну) говорил: «У русских есть счастливая способность выходить из всех переделок» (Добавим: и без помощи союзников)» (письмо от 1 сентября 1942 г.).

«Сижку часами над пьесой... Вырисовывается трехактная героика, с долей юмора и пр. Число к 15 сент. пьеса будет готова» (письмо от 2 сентября 1942 г.).

«...Снова пишу о Кронштадте. Решил к 5 печатным листам прибавить еще 1—2» (письмо от 29—30 сентября 1942 г.).

«Сделал, отредактировал «Ленинградский альманах»: до 22 прозаических вещей и до 25 стихотворных. Книга будет обильная, отразит минувший необычайный год Ленинграда» (письмо от 2 октября 1942 г.).

«План немцев на 42 год незначительно скривился и сел на одну ягодицу... Замысел прорваться на юг (хлеб и нефть), Поволжье — и с востока кинуться на Москву, а также «доломать» наш Ленинград — лопнул... Вот теперь, думаю, начнется подсчет цыплят — время-то осеннее... Еще бодрее гляди на мир. Таких как Россия — больше нет на свете» (письмо от 8 октября 1942 г.).

«Сижку загруженный октябрьскими темами: обзоры, статьи, доклады. И спектакль, за которым надо активно следить» (письмо от 16 октября 1942 г.).

«Спектакль готов. 2—3. XI сядем. 3.XI активу покажем» (письмо от 30 октября 1942 г.).

«Пишу в день несколько страниц — черновики пьесы («У стен Ленинграда». — Ан. Т.). Хочу показать моряков 1941—42 гг. Разные типы, возрасты, разные биографии» (письмо от 11 декабря 1942 г.).

Это — только маленькие отрывки из перечня дел Вишневского, отраженные в его письмах.

Поневольно удивился потрясающей энергии, с которой жил этот человек. Все смыслом его жизни был лозунг: все для фронта, все для победы.

Так же горячи, вдохновенны, так же полны дел и забот были его письма и дневники периода наступления на Берлин, дней Победы, дней Нюрнбергского процесса, где Вишневский был корреспондентом «Правды». Такова же была его каждодневная жизнь в «Знамени», куда он вернулся в конце войны в качестве главного редактора, в Союзе советских писателей, где все последние годы он работал заместителем генерального секретаря.

С огромным подъемом работал Всеволод Вишневский над своей последней замечательной пьесой — «Незабываемый 1919-й». Нет нужды подробно говорить о ней. Все знают ее. В ней ожили героические дни Красной Питера, величавые образы Ленина и Сталина. Достигло совершенства его литературное мастерство, еще глубже, проникновенней стала его идея. Но это были те же самые вечные идеи народной борьбы, великой правды большевизма.

По пьесе «Незабываемый 1919-й» был задуман сценарий большого художественного фильма. Весной 1950 года Вишневский выехал вместе с М. Чиаурели в Ленинград и Кронштадт — места действия будущего фильма.

Вот кусок одного из его последних писем ко мне, написанного за несколько дней до припадка тяжелой болезни, от которой он уже до конца не смог оправиться:

«Работаю. 28 мая показал Чиаурели бывшие рубежи обороны, окопы за Кировским заводом, болото за больницей Фореля (передний край Ленинграда), затем руины Стрельвы, Изорку, Петергоф, руины в Ораниенбауму. Одна война сливалась с другой. Показал дачу — б. штаб Сталина. Тут частные квартиры. Буду добиваться музея...

...После осмотра Ораниенбаума на мощном катере — в 6—7-балльный «ветерок» — рванули в Кронштадт. Рассказывал об открывшихся видах... В Кронштадте беседа в штабе, обстановка в Финском заливе... Затем обед в салоне. Затем на двух машинах на форт «Шанц» и на форт «Риф». Сквознячище с моря...

Рассказывал до усталости. Затем на катере морем в Ленинград... 30 мая утром на флотском ЗИС'е прямиком едем на Красную Горку и Серую Лопать. Пройдем весь маршрут товарища Сталина и морских отрядов. На форту — в минный каземат, подвалы, где сидели захваченные товарищи... Эпически дадим ход коммунистов на казнь... Надумали уже многое... Начал фильм: катастрофа на фронте, паника в Смольном и т. п. Потом «Совет четырех» — Черчилль о судьбах России. Затем Кремль. Ленин с рабочими на суб-ботнике. Вести из Питера. Тревога. Вызов Сталина...»

В клятвенном творческом замысле, в разгаре работы над сценарием фильма Вишневского настал удар — последствие гипертонии. От него Вишневский уже не смог оправиться. Он ушел от нас, полный незавершенных дел, несвершенных творческих замыслов.

Но по его зрителю и сознанию миллионы зрителей и читателей стоят кадры фильма «Мы из Кронштадта» — матрос, заносивший гранату на танк интервентов, попрежнему в ушах звучат слова великого Сталина из пьесы «Незабываемый 1919-й»:

— Враги хотели бы видеть Советское государство беззубым, безоружным, падающим ниц, окровавленным. Нет, товарищи!.. Пусть составители такой программы убираются ко всем чертям. Если уж быть кому-нибудь окровавленным, мы приложим все силы к тому, чтобы разбиты в кровь, окровавленным оказался бы буржуазный стая, а не Советское государство.

Верным сыном Родины, верным сыном Советского государства прожил свою прекрасную жизнь Всеволод Вишневский. Вечная ему память! Долгой жизни его вдохновенным творениям!

Ан. ТАРАСЕНКОВ.